торые у Дж. Клосона даны рядом с заголовочными словами, если имелась возможность иного прочтения.

В конце тома даются дополнения, а также уточнения отдельных неточностей, допущенных в ходе составления общего алфавитного указателя.

Во втором томе издания содержится ряд специализированных указателей, где слова из первого тома представлены в разных отдельных списках: 1) обратный словарь корней (с. 3—42); 2) обратный словарь производных слов (с. 44—119), список словообразовательных элементов и окончаний был перечислен в самом словаре Дж. Клосона; 3) списки непроизводных слов по различной фонетической структуре их корней, по комбинациям гласных и согласных звуков в составе корня (с. 121—201)); 4) основы с интервокальным согласным *г* (с. 203—206); 5) основы с долгим гласным первого слога (с. 208—217); 6) слова с неустановленным чтением (индекс U) (с. 219—230); 7) сложные слова (индекс C) (с. 232); 8) слова вторичного по семантике характера (индекс S) (с. 234—242); 9) заимствованные слова (индекс F) (с. 244—250); 10) ошибочно выделенные слова (индекс E) (с. 252—256). Во всех этих указателях второго тома допускаются упрощения алфавитного порядка в сторону неразличения долгих и кратких гласных.

Кроме указателя слов из современных тюркских языков, о необходимости которого речь уже шла, также было бы желательно составить указатель слов из тех языков, которые заимствовали от тюрков те или иные слова. Не менее желательным было бы указание тех источников, которые послужили для обогащения тюркского словарного состава, т. е. приведение списка или списков слов из разных языков, которые были источниками обогащения тюркского словаря и вошли в состав тюркской лексики до XIII в. Столь же полезным был бы и особый указатель тюркских слов, вошедших в качестве заимствований в другие языки. Но подобные указатели требовали бы более подробной разработки содержания всей словарной статьи, а не только ее начальной части, что можно было бы обеспечить лишь при значительном усложнении всей программы машинной обработки материала и что потребовало бы гораздо большего времени.

Благодаря этой сложной системе имеющихся в рецензируемом издании указателей тюркологи получили весьма удобный универсальный ключ к «Этимологическому словарю» Дж. Клосона, являющийся своеобразным конспектом словаря, что обеспечивает более глубокое изучение древнетюркской лексики в различных аспектах и более удобное наведение справок по древнетюркскому словарю.

В конце второго тома издания также опубликован общий хронологический список печатных работ Дж. Клосона с 1906 по 1975 гг., насчитывающий 71 публикацию: книги, статьи, рецензии (с. 255—261).

Добродомов И. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.
2. *Щербак А. М.*— СТ, 1972, № 6.— Рец. на кн.: *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.

Studies in Chuvash Etymology. I. Ed. by Róna-Tas A.— Szeged, 1982. 240 p.

Все статьи рецензируемого сборника, за исключением заметки А. Берты, уже были опубликованы в малодоступных для широкого читателя изданиях или на таких языках, как венгерский и турецкий, что тоже явилось естественным барьером для знакомства с ними.

Однако объединение статей под одним заглавием было вызвано не только желанием сделать их содержание достоянием всех лингвистов. Основная цель составителя сборника — очертить круг проблем, постановка и поиски решения которых необходимы в связи с коллективной работой советских и венгерских языковедов над «Этимологическим словарем чувашского языка» [1]. Естественно, что материалы одного сборника, который, судя по его заглавию, является первым в задуманной серии исследований, точно так же, как статьи аналогичного по замыслу труда, изданного почти одновременно в Чебоксарах [2], отражают лишь часть вопросов и тем, возникающих в чувашской этимологии.

Авторами рецензируемого сборника вносится вклад в осуществление трех важных исследовательских задач: в нем дается позитивная критическая оценка результатов прежних исследований по чувашской этимологии; на конкретном языковом материале демонстрируются методические приемы выявления заимствованной лексики чувашского словаря и, наконец, рассматриваются некоторые результаты взаимодействия родственных языков в Волжском регионе.

Первая исследовательская задача выполняется в статье турецкого языковеда Х. Эрена «Заметки об Этимологическом словаре чувашского языка В. Г. Егорова» [3], в которой автор, высоко оценивая значение этой книги, предлагает ряд важных дополнений и уточнений примерно к 95 словарным единицам. Эти дополнения не сводятся лишь к привлечению новых языковых

фактов и библиографических сведений (см., например, разбор словарных статей *yăpar*, *kantăr*, *puršăn*, *šănăx*, *tălmač*, *ulma*, *xuran* и мн. др.) или уточнению структурного анализа слова (например, *kăvakal*, *kăvar*, *kăykăr*). Принципиально важной является постановка вопроса о хронологических пластах чувашской лексики, о критериях определения заимствований из других тюркских языков, главным образом татарского.

Разбирая ряд словарных статей, Х. Эрен показывает, опираясь на фонетические признаки, что слова, приводимые в словаре В. Г. Егорова как чувашские параллели к тюркским лексическим соответствиям, например, *kašăk*, *yămran*, *salma* и др., заимствованы из татарского языка. Однако сам Х. Эрен порой, как нам кажется, несколько упрощает анализ заимствованной лексики чувашского языка. Так, видимо, относя чуваш. *kuś* «глаз» и *puś* «голова» к татаризмам, он обходит молчанием некоторые фонетические проблемы, возникающие при такой интерпретации чувашских слов (*kuś* < *küz*, но *puś* < *baš*) и иные подходы к их этимологизации [например, 4, 5]. Небесспорна и этимология *šĭlăx* «грех», предлагаемая взамен также неубедительной у В. Г. Егорова.

Этимологии этнонима *bulγar* посвящена статья ныне покойного венгерского языковеда академика Ю. Немета, много сделавшего для изучения булгаро-венгерских языковых связей и исторической фонетики чувашского языка [6]. В этой статье на основании обобщения новых данных, в том числе и материалов высоко оцениваемого автором «Древнетюркского словаря» [7], доказывается, что имя *bulγar* образовано от глагола *bulγa-* «мутить, возбуждать недовольство, сеять смуту» и означало «мятежник, смутьян», а не «смешанный», как предполагалось ранее в ряде работ.

Той же цели — обобщению и оценке прежних результатов этимологических исследований — отвечает приложенная к сборнику «Избранная библиография к будущему этимологическому словарю чувашского языка», тщательно составленная А. Мольнаром. Она же, видимо, призвана выполнять роль отсылочной библиографии, но в этом качестве, к сожалению, содержит некоторые лакуны: в нее не включены работы Серёйса, Майрхофера, Конкашпаева.

Заимствованная лексика чувашского словаря анализируется в статьях А. Рона-Таша «Заимствования явно среднемонгольского происхождения в чувашском» и А. Рона-Таша и К. Редеи «Протопермские и удмуртские заимствования в чувашском языке». В статье А. Рона-Таша ставится несколько проблем, имеющих важное значение не только для чувашской этимологии (источники, хронология и возможные посредники монгольских заимствований), но и для исторической фонетики чувашского, татарского, среднемонгольского и, опосредствованно, марийского языков (относительная хронология таких фонетических явлений марийского языка, как *ś-* > *s-*, *s-* > *š-*, *x-* > ∅, и соответствий лугового *a* горному *ă* и лугового *o* горному *a*). В начале статьи подчеркивается важность изучения монгольских элементов (в том числе заимствований среднемонгольского периода) тюркских языков Поволжья— татарского, башкирского и чувашского. Делая обзор исследований, где в том или ином объеме затрагивалась проблема монгольско-тюркских связей, А. Рона-Таш справедливо отмечает, что при констатации соответствий языковедами не ставился вопрос о месте и времени тюркско-монгольских контактов. Примечательно, что даже Г. И. Рамстедт [8] и Н. Поппе (в ранних работах) отрицали исторические контакты чувашского и монгольского языков. Позднее Н. Поппе отметил ряд монгольских заимствований в чувашском, но не определил их возраст и условия освоения.

На основе исторических данных автор устанавливает самую раннюю временную границу проникновения монгольских заимствований в волжские кыпчакские языки — конец 30-х годов XIII в. и отмечает, что прямое языковое влияние монголов, вероятно, уже было незначительным в конце XIV в., но необходимо учитывать длительность распространения монгольских слов среди населения Золотой Орды. А. Рона-Таш указывает, что средневековые монголизмы могли попасть в чувашский язык как непосредственно, так и через кыпчакские языки. Он предполагает также возможность посреднической миссии в отношении чувашского языка другого булгарского диалекта, реальность существования которого наряду со средневековым предком чувашского он допускает, опираясь на ряд фонетических особенностей булгаризмов венгерского, пермских и кыпчакских языков и на ряд своеобразных лексем современного чувашского языка (например, *čakan* и **šakan* бот. «рогоз», восходящие к **ǰeken* и **šeken*).

Далее в статье проанализированы 29 среднемонгольских слов, заимствованных в чувашский и кыпчакские языки Поволжья, а часть из них через тюркское посредство и в марийский язык. Некоторые монголизмы выявлены впервые (например, монг. *γoiqan* ~ чуваш. *xĭxĕm* «красивый», *sayi* ~ *sayă* «хороший»); каждый монголизм обстоятельно проиллюстрирован данными письменного монгольского языка, средневековых источников, современных монгольских языков, исследованы особенности его адаптации в тюркских языках. Анализ каждого слова, по сути дела, представляет почти завершенную статью этимологического словаря. Лишь в отдельных случаях к ней можно сделать незначительные дополнения. Так, слово *narat* «сосна» известно не только в карачаево-балкарском, но в кумыкском и караимском; тюркское соответствие венг. *kőris* «ясень» встречается, кроме чувашского и карачаевского, в турецких диалектах, кумыкском, ногайском и азербайджанском языках; помимо кирг. *say* «хороший», существует туркм. *say* «здоровый, сильный, видный». *Uram* ~ *oram* «улица; квартал» имеет

широкое распространение в тюркских языках [9], в кумык. *oram*, кроме того, «условный знак, сигнал» (ср. калм. *orm* «след, отпечаток»). Эти данные, как нам кажется, иллюстрируют протяженность лексических изоглосс, а она показательна при определении путей распространения слова. Возможно, следует выделить монгольско-волжскокыпчакско-чувашские лексические изоглоссы, монгольско-западнокыпчакско-чувашские изоглоссы (не случайно в целом ряде сопоставлений автор отмечает наличие лексемы в Codex'e Cumanicus'e) и монголизмы, получившие более широкое распространение в тюркских языках.

В статье А. Рона-Таша и К. Редеи, являющейся продолжением более ранних публикаций тех же авторов о булгаро-пермских контактах [10], но имеющей уже своим объектом удмуртские и реже протопермские элементы чувашского словаря, рассмотрены 22 лексемы. Статья интересна тем, что в ней сделана на основе фонетических признаков попытка трактовать ряд слов, традиционно относимых к заимствованиям из марийского языка, как удмуртские по происхождению (*ălăr*, *sĭj*, *šem* и др.). В ряде случаев авторы не отрицают альтернативной возможности заимствования: из удмуртского или марийского (например, *văj*). Иногда чувашский язык является посредником для проникновения слова из удмуртского в марийский (например, удм. *šam* → чуваш. → → марийск). Авторы показывают распространение каждого удмуртского или протопермского заимствования и в других тюркских языках Волжского региона — татарском и башкирском, приводят почти исчерпывающие сведения об изучении его истории. Наши дополнения касаются лишь частных деталей иллюстративного материала. Так, в башкирских говорах встречается *läŋgās* «четырехлитровый деревянный сосуд», *läŋkäs* «бадья», в татарских *läŋgäč* и *läŋgäc* «деревянная кадка для соли; посуда для хранения меда», которые, судя по ауслаутному *-č* (башк. *-s*, тат. *-c* < *-č*) восходят не к удмуртскому прототипу. В башкирских говорах представлены еще следующие фонетические варианты слова *mĭšĭ* «лось»: *mĭšĭj*, *bĭšĭj*, *pŏšĭj*. Туркм. *meleš* «рябина», видимо, извлеченное из русско-туркменского словаря, изданного в 1929 г., не отражено в современных лексикографических справочниках, в том числе специальном справочнике названий растений [12], в татарских и башкирских диалектах имеется вариант *mäläš* и в чувашском говоре *päleš*. Не совсем ясно, почему чуваш. *vuj* и *voj* «сила» нельзя рассматривать как внутридиалектные соответствия *vĭj* и *văj*.

Проблема языковых связей тюркских языков Поволжья отражена в статьях А. Рона-Таша «Несколько волжско-булгарских слов в волжско-кыпчакских языках» и «Три волжско-кыпчакских этимологии». К ним по содержанию примыкает и заметка А. Берты «Два волжско-булгарских заимствования в языке крещеных татар».

В первой статье А. Рона-Таша подчеркивается, что до настоящего времени языковеды уделяли мало внимания изучению булгарских лексических элементов в татарском и башкирском языках. Автор предлагает читателям предварительные результаты своих исследований в этой области. Принципиально важно, что анализ булгаризмов татарского и башкирского языков позволил А. Рона-Ташу выявить дополнительные данные о существовании двух диалектов в языке волжских булгар: *j*- и *š*-диалекты. В статье проанализировано 16 слов, зафиксированных в татарских говорах, два из них по признаку начального *j*-относятся к *j*-диалекту, остальные к *š*-диалекту, при этом субститутом булгарского *š*- в татарском выступает *š*-. Всего автором выявлено в кыпчакских языках Поволжья свыше ста лексических единиц, относящихся, по его мнению, к волжскобулгарскому фонду.

В число булгаризмов, вероятно, ошибочно, включено тат. устар. *šura* «совет», которое восходит к арабско-перс. *šurā*, в статью *šĭmran* можно было бы внести тат. диал. форму с метатезой šĭrman.

Проанализированная в статье лексика, общая для тюркских языков Поволжья, демонстрирует сложные этногенетические процессы, происходившие в этом регионе: имели место заимствования из булгарских диалектов, из финно-угорских языков через булгарское посредство; в чувашском языке булгарское слово могло сохраняться или утрачиваться и замещаться кыпчакским вариантом. Автор выделяет семь разновидностей таких взаимоотношений между языками. Для датировки булгарских заимствований в кыпчакские языки автор, помимо фонетических критериев, дающих опору для относительной хронологии, использует и показания булгарской эпиграфики. В одном из авторских примечаний к статье он предлагает в качестве критерия для периодизации кыпчакских заимствований в чувашском языке три разновидности репрезентации начального слога *ka-*: *xu-*, *xa-* и *ka-*.

Интересна и вторая статья А. Рона-Таша, где он доказывает булгарское происхождение трех религиозных терминов татарского языка: *izge* «священный, святой», *bötü* «амулет, талисман» и *tăre* «крест». При этом автором допускается возможность трактовки *izge* как наследия литературной традиции, что кажется нам более достоверным. К сведениям о талисмане добавим, что в кумыкском встречается в этом значении *bittik* и в башкирских говорах *bŏtŏj*.

В статье А. Берты на основании наличия аналаутного *š*- вместо закономерных *j*- и *s*- в двух диалектных татарских словах *šöklan-* «похищать» и *šĭrt* «резец плуга» доказывается их булгарское происхождение. Автор привлекает большой сравнительный материал из современных тюркских языков и убедительно показывает, что рассматриваемые им татарские диалектизмы восходят к **šuxlan-* и *šĭrt* < < **sĭrt* (~ прототюрк. *sĭrt* «спина» → «обух ножа, меча» → «резец плуга»). Хотелось бы обратить внимание автора статьи на башк. диал. *šĭrt* «предплужник», семантика которого совпадает со вторым зна-

чением чуваш. *šĭrt* «резец» (часть сохи); предплужник». В связи с этим возникает вопрос, не могли ли быть заимствованы татарский и башкирский диалектизмы из современного чувашского языка. Кроме того, вероятно, следовало бы рассматривать *šĭrt* как обозначение части плуга в системе других названий: плуг, отвал плуга, лемех.

Сборник статей венгерских языковедов не только сообщает интересные результаты конкретных исследований, но выдвигает новые идеи и гипотезы, побуждающие к дальнейшим разысканиям в области тюркского сравнительного языкознания в целом и особенно чувашской этимологии. Поэтому хочется надеяться, что за первым выпуском сборника скоро появятся следующие.

Левитская Л. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инструкция и пробные статьи «Этимологического словаря чувашского языка». Чебоксары, 1980.
2. Исследования по этимологии чувашского языка. Чебоксары, 1981.
3. *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
4. *Róna-Tas A.* Bevezetés a csuvas nyelv ismeretébe. Budapest, 1978.
5. *Doerfer G.* Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre.— OLZ, 1971, Bd. LXVI, 7/8.
6. Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh. Budapest, 1976.
7. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
8. *Ramstedt G. J.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. — JSFOu, 1922—1923, t. XXVIII.
9. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
10. *Rédei K., Róna-Tas A.* A permi nyelvek őspermi kori bolgár-török jövevényszavai.— NyK, 1972, 74.
11. *Rédei K., Róna-Tas A.* A bolgár-török-permi érintkezés néhány kérdése.— NyK, 1975, 77.
12. *Никитин В. В., Кербабаев Б. Б.* Народные и научные туркменские названия растений. Ашхабад, 1962.

Носенко И. А. **Начала статистики для лингвистов.** М.: Высшая школа, 1981. 140 с.

Применение количественных методов в лингвистических исследованиях, ведущихся как в теоретическом плане, так и с целью решения прикладных задач, как правило, требует использования аппарата математической статистики. Получило развитие новое направление в языкознании (его называют лингвостатистикой или квантитивной лингвистикой), связанное с использованием статистических методов исследования. Оно нашло широкое признание особенно за последнее десятилетие в связи с возросшим участием лингвистов в решении различных задач информатики. Составление словников и частотных словарей, построение дескрипторных информационных языков и тезаурусов, разработка вероятностных подходов к машинному переводу, исследование языка и стиля документов различных жанров и т. п.— это далеко не полный перечень направлений лингвистических работ, в которых в той или иной мере используются статистико-вероятностные методы исследования и обработки языковых данных. Советское языкознание накопило достаточно большой опыт и располагает рядом фундаментальных работ во всех этих областях [1—7]. Вместе с тем в настоящее время ощущается большая потребность в учебной литературе по лингвостатистике. В связи с этим весьма своевременным и полезным представляется выход из печати рецензируемой книги И. А. Носенко, существенно восполняющей пробел в специальной математической литературе для широкого круга языковедов — от исследователей языка до специалистов по прикладным информационным задачам. Иными словами, данная книга представляет действительно учебное пособие для языковедов разного уровня подготовки: студентов, аспирантов, преподавателей языковых факультетов, лингвистов-исследователей.

Рецензируемая книга находится в русле существующих лингвостатистических работ, и ее достоинство, в отличие от предшествующих изданий по лингвостатистике, состоит в том, что она не перегружена ни математическим, ни лингвистическим материалом, содержит лишь тот минимум (а именно, основания статистики и необходимые комментарии по их приложению к обработке лингвистического материала), который необходим для начала самостоятельной работы в этой области. Можно утверждать, что данное издание нашло своего читателя, т. к. оно доступно для лингвиста, не имеющего специальной математической подготовки, а изложение основ математической статистики ориентировано специально на применение к лингвистическим проблемам. Автору удалось не только изложить основные понятия и разделы статистики, но и показать, где, в каких случаях и как применять их в практике лингвистических работ. Этой целевой установке соответствует и композиция книги.

Сначала автор вводит основные понятия математической статистики (гл. 1), затем раскрывает цели и порядок организации лингвистических исследований (гл. 2), и лишь после такого «введения» переходит к изложению основного содержания книги. Следует отметить при этом удачное построение основной части работы. В книге изложены действительно необходимые для лингвиста разделы математической статистики (гл. 3—8): вычисление выбо-